

**Психологическая сила Православия
Противоречия в природе человека и их
разрешение в Вере Христовой
мученик Михаил Новоселов**

Предисловие

Неведомый гений написал когда-то на фронто́не Дельфийского храма: «Познай самого себя», – гений же потом и объяснил грекам таинственный смысл этой надписи. Сократ первый увидел в ней глубочайшую загадку о человеке и первый догадался, что в решении этой загадки должна заключаться вся полнота человеческой мудрости. Он сделался горячим проповедником своего открытия, говорил о нем везде, и всем, кто только хотел его слушать. Из его бесед греки слышали, что он – мудрейший из афинян, по суждению оракула – решительно отвергает в отношении себя справедливость этого суждения и считает себя круглым невеждой; потому что, по его глубокому убеждению, пока не решена великая загадка о самом человеке, всякая наука и всякое знание могут служить только выражением ученого невежества. Но среди всех других ученых невежд Сократ все-таки резко выделялся тем, что он вполне понимал, в чем заключается истинная мудрость, и с любовью стремился к ее достижению (В. Несмелов. «Наука о человеке»).

Мысль великого мудреца древней Греции повторяют с силой глубокого убеждения многие русские писатели. Подобно Сократу они считали учеными невеждами людей, которые ставят своей задачей изучение всего, что подлежит изучению, не определяя того, что очень важно, что менее важно и что совсем не важно знать человеку. Причина этого ненормального явления в том, что люди нашего времени не имеют истинного мерилa для различения предметов по степени их важности. Такое мерило дается, по его словам, тем смыслом и тою целью, которые видит человек в своей жизни. Люди же нашего времени в большинстве случаев считают праздным самый вопрос о смысле и цели жизни – и потому обходят его. А обходя этот вопрос и не решая его, они не имеют разумного основания, по которому могли бы отбирать предметы изучения по степени их важности... Современное знание, гордящееся своим будто бы единственно научным методом, отодвигает насущный, неотложный вопрос о человеке в неопределенно-далекое будущее. Оно утверждает, что, прежде чем человеку познавать самого себя, ему нужно разрешить сначала вопросы зоологические, ботанические, физиологические, вообще биологические; для разрешения же этих вопросов нужно прежде еще разрешить вопросы физические, потом химические, нужно еще согласиться, какой формы бесконечно малые атомы, каким образом невесомый и неупругий эфир передает движение... Да когда же это будет?

Нам ждать некогда. Люди так называемого научного знания говорят, что все это мы узнаем через несколько поколений (если только узнаем). А мы живем теперь: сегодня живы, а завтра умрем, и потому нам надо знать, как нам жить теперь, пока могильный холм не скрыл под собою нашего праха. А чтобы ответить на это, необходимо уяснить себе, что такое человек в его глубочайшей нравственной сущности, необходимо внять призыву и завету Дельфийского оракула: «Познай самого себя!»

Эту же мысль, но углубленную и расширенную в мере, превосходящей разумение и греческого философа, и русских писателей, находим мы в несравненных творениях величайшего христианского мудреца-подвижника VII века.

«Кто познал себя, тому дается ведение всего; потому что познать себя есть полнота ведения о всем», – читаем мы у св. Исаака Сирина.

Отсюда ясно великое значение вопроса о нравственной природе человека. На правильном освещении этого вопроса покоится истинность целостного мирозерцания.

Еще несколько слов о методе настоящей работы.

К христианству можно относиться с философской, исторической, социальной и др. точек зрения. Между тем христианство есть прежде всего и существенно новая жизнь, принесенная человеческой душе Богочеловеком. Задача исследования – показать на живых, большей частью исторических примерах существенную разницу между состоянием души человеческой естественной, натуральной, полной неисцельных противоречий (часть первая), и возрожденной в Вере Христовой принятием внутрь себя этой новой жизни, разрешающей природные противоречия (часть вторая).

Об этой разнице будут свидетельствовать признания людей, стоящих, с одной стороны, вне, а с другой – на почве христианства. В группировке этих свидетельств и заключается почти исключительно наш труд.

Часть I. Противоречия в природе человека по свидетельству древнего и нового мира

«Во время продолжительных бессонных ночей, – говорит Федр, – я часто размышлял о причинах человеческих слабостей и пороков: мы знаем добро, а делаем зло, признаем достоинство добродетели, а предаемся пороку; жизнь эта усеяна подводными камнями, на которые подобно потоку увлекает нас злая склонность. Предаваясь этим размышлениям, я считал себя безопасным от всякого беззакония; между тем злая страсть, подобно невидимо пущенной стреле, впивалась в мое сердце».

Эта истина, поставленная Эврипидом на театре афинском и через две тысячи двести лет воспроизведенная Расином на сцене французской, есть одна из древнейших, известнейших и наиболее всеобщих истин и в то же время наиболее неизъяснима для разума человеческого.

Чего греческий поэт не раскрыл для себя во время продолжительных бессонных ночей, и что изучено французским поэтом в просветительных наставлениях свыше, – это причина странной покорности воли человеческой преобладающим злым склонностям и врачевство против этого зла.

Эта мысль (согласно учению св. Ап. Павла) высказана Расином в следующих словах: «Боже мой, какая жестокая брань внутри меня! Я нахожу, что во мне два человека: один желает, чтобы сердце мое, полное любви к Тебе, всегда было верно Тебе, а другой, мятежный против Твоих велений, возбуждает меня противиться Твоему закону. Увы! Находясь в борьбе с самим собою, где я найду себе покой? Я желаю, а никогда не исполняю; желаю, но, по чрезвычайной слабости, не делаю добра, которое люблю, а делаю зло, которое ненавижу. Умоляю благость Твою, Боже, ниспошли мне спасительную благодать для моего внутреннего умирения, и, незаметно укрощая этого мятежного человека, сделай покорным Тебе рабом этого раба смерти».

Исследуем эту важнейшую истину, всмотримся в глубину нашего сердца, где живет и проявляется эта мучительная двойственность нашего нравственного бытия. Но сделаем это, не щадя себя, не взирая на все стоны самолюбия: поверхностное обозрение своих мыслей и движений всегда кончится словами фарисея: «есмы, якоже прочий чловецы». Итак, что же мы найдем в себе при добросовестном самоиспытании?

Мы найдем, что у нас преобладает склонность ко злу. Это факт общеизвестный. Наша воля повреждена, видимо страдает склонностью

нарушать законы нашей нравственной природы. Грех есть всеобщее признаваемый факт. И не одно Откровение говорит, что все люди – грешники. Это подтверждается нашей совестью, на это указывает повседневный опыт жизни, все голоса народов оплакивают это. Повсюду мы находим жалобы на бедственный разлад, проходящий через существо человека, разлад между его лучшим нравственным познанием и противодействующим ему влечением. Известно изречение римского поэта: «*video meliora proboque deteriora sequor*» – «вижу я лучшее и одобряю, но следую худшему», или другое подобное же изречение: «*nitimur in vetitum semper cupimusque negata*», – «к запрещенному стремимся мы всегда и желаем недозволенного».

Все в природе подчинено своему закону, – от насекомого до светил небесных – все следует установленному порядку; один человек производит беспорядок, – и в обществах своих представляет удивительный хаос заблуждений и пороков.

В человеке существует сила страсти, которая подавляет голос совести в нем и которая должна быть ограничиваема заповедью закона. «Страсти», по словам Плутарха, великого писателя древности, «прирождены человеку, а не пришли к нему лишь совне; если бы не воспитание и дисциплина, то человек, вероятно, был бы не ручнее, чем самый дикий зверь».

Начатки эгоистических страстей сказываются в человеке с самого рождения. Дарвин утверждает, что гнев в собственном смысле отчетливо проявляется у ребенка уже на четвертом месяце. Дети очень легко поддаются этой примитивной страсти. Раздражение свое они изливают в припадке бессильной ярости: они кричат, бросают о землю вещи и в крайнем случае сами бросаются на пол в припадке бешеного отчаяния. С возрастом эгоизм, возведенный в правило, обыкновенно усиливается и придает эгоистическую окраску большинству наших душевных движений. Многие, что на первый взгляд представляется нам хорошим, в действительности часто оказывается лишь замаскированным эгоизмом.

Наблюдения древнего языческого историка и ученого нового времени подтверждает глубочайший философ-христианин начала средних веков.

«Кто не знает, – говорит великий знаток души человеческой бл. Августин, – с каким невежеством в отношении к истине и с каким множеством злых страстей, начинающих обнаруживаться с первым выходом из младенчества, является человек в мир, заражаясь этим ядом, как от корня, от Адама, свойства которого сообщаются всем нам через самое рождение, так что, если бы предоставить ему жить по своему произволу, то нет почти преступления, на которое бы не решился он?»

Закон и воспитание стоят на страже против ослепления и злых похотей, с которыми рождаемся мы. Но и это не обходится без особенных трудов, скорбей и болезней... Все это не ясно ли показывает, к чему природа наша склоняется собственной тяжестью. И в каких пособиях она нуждается, чтобы освободиться от этой тяжести».

«Все мы злы, – говорит Сенека. – Что один порицает в другом, то всякий найдет в своей собственной груди».

Геродот утверждает, что зависть в нас с самого происхождения, и что едва ли кто свободен от нее вполне.

По словам Анахарсиса, люди огорчаются не только вследствие своих собственных несчастий, но и в виду чужого добра.

Справедливость этого подтверждает Кант, признавая, что самое сердечное благорасположение наше не так чисто, чтобы нельзя было сказать: «В несчастии наших друзей есть что-то для нас не совсем неприятное».

По наблюдениям Ларошфуко, самолюбие встречается во всех условиях жизни, при всяком положении: оно существует везде, живет всем и ничем. Оно приспособляется к предметам и к их отсутствию; оно существует даже у людей, борющихся с ним; оно входит в их цели и, что всего удивительнее, оно ненавидит у таких людей само себя: вообще говоря, оно заботится только о том, чтобы существовать, и при этом условии оно согласно быть врагом себе самому.

Даже Кант, который однако же, ссылаясь на нравственную силу в человеке, считает сознание долга достаточно сильным для того, чтобы обуздывать все противодействующие влечения и господствовать над ними, – также говорит о себялюбии, как о «радикальном зле» в человеке, которое коренится в основе нашего существа и лежит за пределами всех наших собственно временных определений воли.

Можно сказать: чем точнее человек в исполнении закона и чем нравственнее он, тем более он познает эту противодействующую силу внутри себя, и чем ревностнее он трудится над собою, тем более ему приходится скорбеть об этом.

И заметьте: тут дело идет не о возможности ошибаться и погрешать, а о легкости, с какою человек увлекается в ошибки и погрешности, о предпочтении, какое он отдает ошибкам и погрешностям, о склонности ко злу.

Что сказано о сердце и воле человеческой относительно добродетели, то же можно сказать и о разуме относительно истины и обо всем существе нашем относительно покоя и счастья. Всякий человек носит в себе это

странное явление величия и бедности, высоких стремлений и бессилия, светлых надежд и горестных обольщений. Его разум, воля и сердце представляют тройственное зрелище смешения и борьбы между светом и тьмою, между добром и злом, между радостями и скорбями, и притом всегда с тою поразительною особенностью, что тут является роковая склонность, увлечение к заблуждению, ко злу, к тому, что видимо составляет наше унижение, позор и несчастье, и нам непрестанно надобно с тяжким трудом и в поте лица своего вновь подниматься на стези истины, правды, блаженства и покоя.

Какое море противоречий, чуждых животному, соединено в человеке! Противоречия в области познания, в области чувства, в области воли, в области всего бытия.

«Мы вечно возимся с проблемами, – говорил однажды Гете, – человек есть темное существо, которое мало знает о мире и меньше всего о себе самом». У нас у всех есть желание знать. Это желание далеко выходит за пределы того, что собственно необходимо для этого земного и телесного существования. Мы хотим знать – не просто для практических данных, которыми могли бы воспользоваться. Ограничивать этим познание было бы унижительно для нашей природы. Гораздо раньше, чем стало известным название физики, гораздо раньше, чем появилась химия, мудрецы всех времен уже спрашивали о происхождении всех вещей, о последней цели мирового бытия и, главным образом, о цели и смысле человеческой жизни. Нашли ли они ответ на это? И не повторяется ли эта история человеческого духа еще и теперь, изо дня в день? Так неужели человеку так и суждено вечно стремиться к истине и никогда не находить ее? Вечно учиться и никогда не приходиться к познанию истины? Или он должен удовлетвориться тем жалким утешением, которым Мефистофель старался успокоить Фауста, говоря ему, что он, Мефистофель, «уже тысячи лет пережевывая эту твердую пищу, знает, что ни один человек – от колыбели до смертного одра – не в состоянии пережевать этого старого кислого хлеба». Но человек никогда не может ограничиться этим, сколько бы он ни подавлял в себе внутренних порывов мысли.

Но это еще не все.

Человек имеет в себе стремление к счастью. Он жаждет высшего блага, которое дало бы ему полное удовлетворение и утолило в нем его высшую внутреннюю потребность. Он ищет его во всех благах, предлагаемых ему землею, и не находит его. Он стремится к счастью и, однако же, чувствует себя несчастным:

«И я в желаньях алчу наслаждений, / И в наслаждениях желаний алчу

я», – признается Фауст.

Байрон сосчитал, что он провел во всю свою жизнь только одиннадцать счастливых дней.

Мы ищем чего-то такого, что выше нас самих, и так как мы не находим его, то мы и несчастны. Мы одеваем земное бытие блеском бесконечности; но блеск этот рассеивается перед нашими же глазами. Мы говорим о вечной любви, о бесконечном страдании, о бессмертной славе, – но не слова ли это только? Мы не находим бесконечности в конечном существовании. Мы стоим в мире конечном, а стремимся к бесконечному. Мы минуем мир временного и земного, и с глубочайшею тоскою стремимся в область вечного.

«Все мое сердце пылает во мне жаждою познать, где можно найти истинное благое, – признается Паскаль. – Нет ничего такого дорогого для меня, чего бы я не пожертвовал для вечности». – «Мы стремимся к истине, – говорит он в другом месте, – и не находим в себе ничего кроме неуверенности. Мы ищем счастья, и находим бедственность и смерть. Мы сгораем от жажды истины и счастья, и однако не в состоянии достигнуть ни того, ни другого. Жажда эта возбуждена в нас как бы для того, чтобы наказать нас, чтобы давать нам чувствовать то, чего мы лишились». «Никто не бывает несчастлив, – поясняет эту мысль Паскаль, – из-за того, что он не король, не царь, но бывает несчастлив низверженный с престола царь».

Таким образом, в нас заключается противоречие между стремлением и удовлетворением. Само это стремление и есть именно то, что делает нас несчастными, и в то же время оно именно и есть знак нашего величия, хотя и величия падшего.

О самопротиворечии воли уже говорилось нами. Было указано на то, как воля, стремясь к благородному, подымаясь надо всем безнравственным и пошлым, легко опять поддается силе последнего. И замечательно, что именно те, которые более других выдвигались на пути нравственности и святости, более всего жалуются на ту отдаленность, которая отделяет человека от цели его стремлений. И всякий должен согласиться с этой жалобой. Мы все более или менее знаем и испытали силу страсти, и знаем, как она увлекает и обольщает ум, равно как и нашу волю. Воля есть глубочайшая и высшая сущность в человеке, – и в то же время как она немоцна! Как ничтожно часто бывает искушение, которое приводит ее к падению в известные часы! Как немоцна она перед запросами своего собственного сердца! В какой зависимости находится от наклонностей, привычек, похотей, слабостей природы! Благодаря своей воле человек есть

как бы маленький бог, и в то же время он есть раб всего окружающего и своей собственной природы. «Познай отсюда ты, гордец, какой парадокс ты носишь в себе самом!» – восклицает Паскаль.

Что сказано о зле нравственном, зависящем от испорченности воли, то же может быть сказано и о так называемом зле физическом, состоящем в болезнях и страданиях разного рода... Одного ожидания неизбежно предстоящей людям смерти, кажется, довольно бы для того, чтобы отравить все удовольствия жизни. Но и жизнь сама по себе служит добычею таких скорбей и страданий, что даже смерть, как она ни ужасна по природе, становится для людей вождеденною, и часто ее ждут не дождутся, и решаются ускорить насильственно.

Правда, привычка совершает свое обыкновенное действие, и мы, подобно растениям, перенесенным в новый климат, свыкаемся с таким существованием; надежды, одна другую сменяющие до самой могилы, расстилают перед нашими глазами обманчивую завесу, скрывающую от нас ужасное и отвратительное зрелище нашего положения. Но и привычка эта несчастна, и обольщение это пагубно, так как они облегчают наше положение только обманом. Нет человека истинно разумного, который не предпочел бы истины самой угрюмой заблуждению самому ласковому и приятному, – и истинная мудрость в том именно и состоит, чтобы человек сознал себя в настоящем состоянии и все прочее понимал так, как оно есть.

Сознание противоречий, наполняющих жизнь человека, и невозможности разрешить их – во все времена и вызывало столько болезненных жалоб на бедственность жизни, жалоб, вырывавшихся из груди всех наиболее великих и благородных людей, поэтов и мыслителей.

На это жалуется поэты всех времен. Жалоба эта не есть просто какое-либо произведение нездоровой культуры, вызывающей потребности и желания, которых она не в состоянии удовлетворить. Нет, тон этой тоскливой жалобы проходит именно в народных песнях, этом самом непосредственном выражении естественного народного духа, и в этом-то именно и заключается вся трогательность этих песен и содержащихся в них мыслей. И притом тон этой жалобности мы находим не только у народов, которые уже от природы несколько склонны к тоскливости; мы находим его также и у народов, которые отличались самыми светлыми взглядами и самую полную отзывчивостью к жизни и ее благам и радостям, именно у греков. Уже старый Гомер жаловался на это:

«(Ибо) из тварей, которые дышат и ползают в прахе, » Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека».

И заявление Феогна, что лучше для нас было бы никогда не родиться или, по крайней мере, насколько возможно скорее умереть после рождения – то и дело повторяется в различных выражениях. Даже Плиний, вообще столь краткий и скупой на слова, становится красноречивым, когда изображает человеческую бедственность: «Нет ничего бедственнее и в то же время нет ничего высокомернее человека. При всех столь многих и столь великих бедствиях самое лучшее для него заключается в том, что он может отнять у себя жизнь».

И замечательно, что, как глубокое сознание нравственной немощи человека сопровождало и сопровождает обыкновенно жизнь людей, особенно ревнующих о нравственном возрождении, особенно богатых нравственными стремлениями, так сознание бедственности жизни часто рождается в душах людей, живущих среди самого полного благосостояния.

Это чувство было испытано и высказано с трогательной искренностью женщиной, которая не могла не чувствовать глубокой бедственности человеческой участи вопреки всем обольщениям нашей суетности.

«Ты спрашиваешь меня, мое милое дитя, всегда ли я ощущаю искреннюю любовь к жизни, – писала к своей дочери мадам де-Севиньи. – Признаюсь, я нахожу в жизни жгучие скорби, но еще более испытываю отвращение к смерти: ею окончить здесь кажется мне таким несчастьем, что, если бы возможно было возвратиться назад, я ничего лучшего не пожелала бы. На мне лежат обязанности, которые тяготят меня; я запутана в жизни без моего согласия; надобно из этого выйти, это меня подавляет. Но как я выйду, куда и какую дверью? Когда это будет и по какому распоряжению? В этих помыслах я теряюсь, и нахожу смерть столь страшную, что и жизнь больше ненавижу за то, что она ведет к смерти, чем за те шипы, которыми она усеяна». (От 16 марта 1672 года).

Оставим свидетелей далекого прошлого и прислушаемся к голосам наших дней. Вот перед нами признания современника, всем хорошо знакомого.

«Строго и безучастно ведет каждого из нас судьба – и только на первых порах мы, занятые всякими случайностями, вздором, самими собой – не чувствуем ее черствой руки», – пишет И.С. Тургенев. «Пока можно обманываться и не стыдно лгать – можно жить и не стыдно надеяться. Истина – не полная истина – о той (т.е. полной) и помину быть не может, – но даже та малость, которая нам доступна – замыкает тотчас нам уста, связывает нам руки, сводит нас «на нет».

Тогда одно остается человеку, чтобы устоять на ногах и не разрушиться в прах, не погрязнуть в тине самоабвения... самопрезрения:

спокойно отвернуться от всего, сказать: довольно! – и, скрестив на пустой груди ненужные руки, сохранить последнее, единственно доступное ему достоинство сознания собственного ничтожества, то достоинство, на которое намекает Паскаль, когда он, называя человека мыслящим тростником, говорит, что, если бы целая вселенная его раздавила – он, этот тростник, был бы все-таки выше вселенной, потому что он бы знал, что она его давит, а она бы этого не знала. Слабое достоинство! Печальное утешение! Как ты ни старайся проникнуться им, поверить ему – о ты, кто бы ни был, мой бедный собрат, – не отразить тебе тех грозных слов поэта: «наша жизнь – одна бродячая тень; жалкий актер, который рисуется и кичится какой-нибудь час на сцене – а там пропадает без вести; сказка, рассказанная безумцем, полная звуков и ярости – и не имеющая никакого смысла» (Макбет). «Но разве нет великих представлений, великих утешительных слов: «Народность, право, свобода, человечество, искусство?» – задает вопрос И.С. «Да, – отвечает он, – эти слова существуют, и много людей живет ими и для них. Но все-таки мне сдается, что, если бы вновь народился Шекспир, ему не из-за чего было бы отказаться от своего Гамлета, от своего Лира. Его пронизательный взор не открыл бы ничего нового в человеческом быту: все та же пестрая и в сущности несложная картина развернулась бы перед ним в своем тревожном однообразии. То же легкоеверие и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, те же пошлые удовольствия, те же бессмысленные страдания во имя... ну, хоть во имя того же вздора, две тысячи лет тому назад осмеянного Аристофаном, те же самые грубые приманки, на которые так же легко попадает многоголовый зверь – людская толпа, те же ухватки власти, те же привычки рабства, та же естественность неправды – словом, то же хлопотливое прыганье белки в том же старом, даже не подновленном колесе... Шекспир опять заставил бы Лира повторить свое жестокое: «нет виноватых», – что другими словами значит: «нет и правых» – и тоже бы промолвил: довольно! и тоже бы отвернулся».

«Но искусство?.. красота?..» – продолжает Тургенев. «Да, это сильные слова; они, пожалуй, сильнее других мною выше упомянутых слов. Венера Милосская, пожалуй, несомненное римского права или принципов 89 года. Мне могут возразить (и сколько раз уже слышались эти возражения!), что и сама красота дело условное, что китайцу она представляется совсем иначе, чем европейцу... Но не условность искусства меня смущает; его бренность, опять-таки его бренность, его тлен и прах – вот что лишает меня бодрости и веры. Искусство, в данный миг, пожалуй, сильнее самой

природы, потому что в ней нет ни симфонии Бетховена, ни картины Рюисдаля, ни поэмы Гете – и одни лишь тупые педанты или недобросовестные болтуны могут еще толковать об искусстве, как о подражании природе; но в конце концов природа неотразима; ей спешить нечего, и рано или поздно она возьмет свое. Бессознательно и неуклонно покорная законам, она не знает искусства, как не знает свободы, как не знает добра; от века движущаяся, от века преходящая, она не терпит ничего бессмертного, ничего неизменного... Человек ее дитя, но человеческое – искусственное – ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизменным и бессмертным.

Человек – дитя природы: она – всеобщая мать, и у нее нет предпочтений: все, что существует в ее лоне, возникло только на счет другого и должно в свое время уступить место другому – она создает, разрушая, и ей все равно: что она создает, что она разрушает – лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла прав своих... а потому она так же спокойно покрывает плесенью божественный лик фидиасовского Юпитера, как и простой голыш, и отдает на съедение презренной моли драгоценнейшие строки Софокла. Люди, правда, ревностно помогают ей в ее истребительной работе; но разве не та же стихийная сила, не сила природы сказалась в палице варвара, бессмысленно дробившего лучезарное чело Аполлона, в звериных воплях, с которыми он бросал в огонь картину Апеллеса?» «Где же нам, бедным людям, бедным художникам, – печалуется И.С., – сладить с этой глухонемой, слепорожденной силой, которая даже не торжествует своих побед. А идет, идет вперед, все пожирая? Как устоять против этих тяжелых, грубых, бесконечно и безустанно надвигающихся волн, как поверить, наконец, в значение и достоинство тех бранных образов, которые мы, в темноте, на краю бездны, лепим из праха и на миг?»

«Человеку одному дано «творить»... но странно и страшно вымолвить: мы творцы... на час, как был, говорят, калиф на час. В этом наше преимущество – и наше проклятие: каждый из этих «творцов» сам по себе, именно он, не кто другой, именно это я, словно создан с преднамерением, с предначертанием; каждый более или менее смутно понимает свое значение, чувствует, что он сродни чему-то высшему, вечному – и живет, должен жить в мгновенье и для мгновенья. Сиди в грязи, любезный, и тянись к небу! Величайшие из нас – именно те, которые глубже всех других сознают это коренное противоречие; но в таком случае – спрашивается – уместны ли слова: величайший, великий?»

И это мы слышим от того самого И.С. Тургенева, который в

предсмертном письме своем к Л. Толстому советовал последнему вернуться к художественной деятельности и отказаться от настойчивых попыток разрешения тех самых противоречий в бытии человека, которые он же, Тургенев, как видите, изображает с такой силой и с такой тоской. Толстой и Тургенев, как известно, никогда не были внутренне близки друг другу; разъединение их дошло до вражды. По натуре, по складу ума, по характеру художественного творчества, по образу жизни и во многих других отношениях они были не похожи один на другого, – чуть не до противоположности.

«В самом деле, – говорит устами своего героя, другой великий русский писатель Достоевский, – какое право имела эта природа производить меня на свет, вследствие каких-то там своих вечных законов? Я создан с сознанием и эту природу сознал: какое право она имела производить меня, без моей воли на то, сознающего? Сознающего, стало быть, страдающего, но я не хочу страдать – ибо для чего бы я согласился страдать? Природа, через сознание мое, возвещает мне о какой-то гармонии в целом. Она говорит мне, что я, хоть и знаю вполне, что в «гармонии целого» участвовать не могу и никогда не буду, да и не пойму ее вовсе, что она такое значит, – но что я все-таки должен подчиниться этому возвещению, должен смириться, принять страдание в виду гармонии в целом и согласиться жить.

Но если выбирать сознательно, то, уж разумеется, я скорее пожелаю быть счастливым лишь в то мгновение, пока я существую, а до целого и его гармонии мне ровно нет никакого дела, после того, как я уничтожусь – останется ли это целое с гармонией на свете после меня, или уничтожится сейчас же вместе со мною. И для чего бы я должен был так заботиться о его сохранении после меня, – вот вопрос? Пусть уж лучше я был бы создан, как все животные, т.е. живущим, но не сознающим себя разумно; сознание же мое есть именно не гармония, а, напротив, дисгармония, потому что я с ним несчастлив.

Посмотрите: кто счастлив на свете, и какие люди соглашаются жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому развитию их сознания. Они соглашаются жить охотно, но именно под условием жить, как животные, т.е. есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей. Есть, пить и спать, по человеческому, значит наживаться и грабить. А устраивать гнездо, значит, по преимуществу грабить. Возразят мне, пожалуй, что можно устроиться и устроить гнездо на основаниях разумных, на научно верных социальных началах, а не грабежом, как было доньше.

Пусть, а я спрошу: для чего? Для чего устраиваться и употреблять столько стараний устроиться в обществе людей правильно, разумно, нравственно-праведно? На это, уж конечно, никто не сможет мне дать ответа. Все, что мне могли бы ответить – это: «чтоб получить наслаждение». Да, если бы я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение. Но задавая, как теперь, себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже и при самом высшем и непосредственном счастье – любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же все это будет уничтожено: и я, и все счастье, и вся любовь, и все человечество – обратимся в ничто, в прежний хаос.

А под таким условием я ни за что не могу принять никакого счастья, – не от нежелания согласиться принять его, не от упрямства какого из-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля. Это – чувство, это – непосредственное чувство, и я не могу побороть его. Ну, пусть бы я умер, а только человечество оставалось бы вместо меня вечно, тогда, может быть, я все же был бы утешен. Но ведь планета наша не вечна, и человечеству срок – такой же миг, как и мне. И как бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на земле человечество – все это тоже приравняется завтра к тому же нулю. И хоть это почему-то там и необходимо, по каким-то там всемогущим, вечным и мертвым законам природы, но поверьте, что в этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуважение к человечеству, глубоко мне оскорбительное, и тем более невыносимое, что тут нет никого виноватого.

И, наконец, если бы даже предположить эту сказку об устроенном, наконец-то, на земле человеке на разумных и научных основаниях возможною и поверить ей, поверить грядущему, наконец-то, счастью людей, то уж одна мысль о том, что природе необходимо было, по каким-то там косным законам ее, истязать человека тысячелетия, прежде чем довести его до этого счастья, одна мысль об этом уже невыносимо возмутительна. Теперь прибавьте к тому, что той же природе, допустившей человека, наконец-то, до счастья, почему-то необходимо обратить все это завтра в нуль, несмотря на все страдание, которым заплатило человечество за это счастье, и, главное, нисколько не скрывая этого от меня и моего сознания, как скрыла она от коровы, – то невольно приходит в голову одна чрезвычайно забавная, но невыносимо грустная мысль: «ну что если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтобы только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле, или нет?» Грусть этой мысли, главное – в том, что опять-таки нет

виноватого, никто пробы не делал, некого проклясть, а просто все произошло по мертвым законам природы, мне совсем непонятным, с которыми сознанию моему никак нельзя согласиться. Ergö

«Так как на вопросы мои о счастье я через мое сознание получаю от природы лишь ответ, что могу быть счастлив не иначе, как в гармонии целого, которой я не понимаю и, очевидно для меня, и понять никогда не в силах.

Так как природа не только не признает за мной права спрашивать у нее отчета, но даже и не отвечает мне вовсе – и не потому, что не хочет, а потому, что и не может ответить.

Так как я убедился, что природа, чтобы отвечать мне на мои вопросы, предназначила мне (бессознательно) меня же самого, и отвечает мне моим же сознанием (потому что я сам это все говорю себе).

Так как, наконец, при таком порядке, я принимаю на себя в одно и то же время роль истца и ответчика, подсудимого и судьи, и нахожу эту комедию, со стороны природы, совершенно глупую, а переносить эту комедию, с моей стороны, считаю даже унижительным.

То, в моем несомненном качестве истца и ответчика, судьи и подсудимого, я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание – вместе со мною к уничтожению... А так как природу я истребить не могу, то истребляю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого».

Сказать заключительное слово мы предоставляем новому, еще ни разу нами не упомянутому, авторитетному свидетелю наших дней, Владимиру Соловьеву, с редким талантом соединявшему неутомимую энергию в работе над разнообразнейшими и труднейшими вопросами жизни.

Вот это слово:

«Два близкие между собою желания, как два невидимые крыла, поднимают душу человеческую над остальной природою: желание бессмертия и желание правды, или нравственного совершенства. Одно без другого не имеет смысла. Бессмертная жизнь, отделенная от нравственного совершенства, не есть благо: мало быть бессмертным, – должно еще стать достойным бессмертия через исполнение всякой правды; но также и совершенство, подверженное гибели и уничтожению, не есть истинное благо. Бессмертное существование вне правды и совершенства будет вечным мытарством, а праведность, лишенная бессмертия, будет вопиющей неправдой, безмерною обидой.

Но ежели наша душа своею лучшею стороною желает вместе и бессмертия, и правды, то на деле в порядке природы мы лишены и того, и

другого. Предоставленный самому себе, человек не может уберечь ни своей жизни, ни своего нравственного достоинства, он не в силах избавить себя ни от телесной, ни от духовной смерти.

Мы по природе своей хотим жить всегда, но закон земной природы не дает нам вечной жизни, оставляя нас при одном желании. Мы по разуму и совести ищем правды, но закон человеческого разума и голос совести, обличая нашу неправду, не дает нам сил исполнить правду и не делает нас достойными бессмертия.

Два непримиримые врага нашей высшей природы, грех и смерть, в тесном и неразрывном союзе между собою держат нас в своей власти. Двум великим желаниям – бессмертия и правды противостоят два великие факта: неизбежное владычество смерти над всякою плотью и несокрушимое господство греха над всякою душою. Мы только хотим подняться над остальной природой, – смерть сравнивает нас со всею земною тварью, а грех делает нас хуже ее».

Таковы, по свидетельству гениев и простых смертных, противоречия в природе человека.

Возможно ли избавление от них? И если возможно, то где искать его? – вот вопросы, которые сами собой вытекают из предыдущего, и которые должны, властно требуя ответа, стоять перед сознанием и совестью всякого, кто, подобно благим и верным рабам евангельской притчи, лукаво не зарыл в землю своего нравственного таланта.

Если бы кто заметил, что победителями в борьбе с этими противоречиями являются лишь великие подвижники, и что для большинства верующих недоступна такая победа, то на это следует ответить, что полная победа оказывается доступной действительно, может быть, для немногих, но – что всякий призывается к этой борьбе и каждому дается победа в меру подвига веры его.

Часть II. Разрешение противоречий в Христианстве

Больше 1900 лет тому назад в заброшенном городке Галилеи чистейшая из дев была смущена необычайным приветствием небесного посланника: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою; благословенна Ты между женами». «Не бойся Мария, – успокоил смущенную Деву Ангел, – ибо Ты обрела благодать у Бога... Ты родишь Сына и наречешь Ему имя: Иисус (что значит Спаситель). Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и царству его не будет конца».

Когда Та же скромная Назаретская Дева посетила Свою родственницу Елисавету и услышала от последней пророческое приветствие, обращенное к Ней и Ее будущему Младенцу, Она уже без смущения, а радостно и твердо исповедала Свою веру в величайшее грядущее чудо, которое благовестил Ей Ангел, повторивший это благовестив и Ее обручнику Иосифу, а именно, что «Она родит Сына, Иисуса, т.е. Спасителя, ибо (пояснил Ангел) Он спасет людей Своих от грехов их».

Когда так чудесно предвозвещенный Младенец родился в Вифлееме Иудейском, светоносный посланник неба предстал перед испуганными пастырями и сказал: «Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос-Господь», – а затем и целый сонм Ангелов огласил ночную тишину радостной песнью: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!»

Когда, по обычаю, принесли Младенца в Иерусалимский храм, его встретил там, как повествует Евангелие, Симеон, «муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева». Таинственным внушением свыше он привлечен был в храм как раз в то время, когда родители принесли туда Младенца-Иисуса. Держа на своих ослабевших от глубокой старости руках Божественного Младенца, этот ветхозаветный праведник приветствовал Его словами, заключавшими в себе величайшее пророчество обо всем человечестве и об отдельных лицах, в их отношениях к Новорожденному Отроку: «Ныне, – исповедуется праведный старец, обращаясь к Младенцу, – отпускаешь раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего, Израиля». И, обращаясь к Матери Иисуса, добавил: «Се, лежит Сей на падение и на восстание многих во Израиле и в предмет пререканий... да

откроются помышления многих сердец».

Вскоре за этим пророчественным исповеданием Израиля и языческий мир воздал честь Младенцу-Христу. Путеводимые чудесным небесным явлением и наученные внутренним откровением того же Духа, Который просветил сердце и ум праведного старца израильского, мудрецы востока пришли поклониться «родившемуся Царю Иудейскому, звезду Которого они видели на востоке», – не царю тогдашней Иудеи, а Царю Вечного духовного Царства, наступление которого предсказывали в течение многих веков пророки израильские, и которого ожидали народы всего мира, и с особенной напряженностью именно перед временем Рождества Христова, после которого такие ожидания всюду прекратились.

Итак, идя как за путеводной звездой по следам за этими чаяниями и ожиданиями народов, волновавшими в свое время их сердца, мы вместе с восточными волхвами остановились над колыбелью Того, Кого старец Симеон наименовал спасением всех народов, светом к просвещению язычников и славою Израиля.

Но не заблудились ли мы? Точно ли к искомому желанному источнику света, силы и жизни привела нас звезда? Прав ли старец, как бы от всего мира приветствовавший в Младенце-Иисусе Спасителя этого мира? Если да, – то этот Чаемый всеми народами действительно должен иметь силу снять с человека тяготеющее над всем существом его проклятие: должен просветить ум его вечной истиной, укрепить волю в борьбе с грехом для победы над ним, исполнить сердце вечной жизнью. Словом, восстановить разбитый образ Божий в человеке и возвратить ему его Богоподобие.

Верные принятому методу, мы обратимся и теперь главным образом к живым свидетелям, а не к отвлеченным рассуждениям.

Но прежде прислушаемся к словам Того, на Кого как на спасение мира указали свидетели первых дней Его жизни. Каково Его собственное самочувствие и самосознание? Отлично ли от чувств и помышлений тех людей, согласные свидетельства которых о себе мы слышали в первой части нашего исследования.

Вот немногие из бесчисленных Его свидетельств о Себе, имеющие ближайшее отношение к занимающим нас противоречиям в бытии человека.

«Я есмь путь, и истина, и жизнь» (Ин.14:6).

«Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин.8:12).

«Я есмь хлеб жизни» (Ин.6:48).

«Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин.6:51).

«Я и Отец – одно (Ин.10:30).

«Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную» (Ин.6:40).

«Если пребудете в слове Моем... то познаете истину, и истина сделает вас свободными (от греха)» (Ин.8:31–32).

«Если не уверуете, что это Я, то умрете в грехах ваших» (Ин.8:24).

«Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек» (Ин.8:51).

«Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин.4:14).

«Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин.14:23).

«Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин.15:26).

«Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф.28:18).

«Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф.11:28).

«Без Меня не можете делать ничего» (Ин.15:5).

«Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Ин.12:47).

«Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин.11:25).

«И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Ин.11:26).

«Какие странные слова! Кто может это слушать!» – недоумевала и негодовала толпа окружавших Иисуса иудеев.

Да, странные слова! Таких ни раньше, ни после не приходилось слышать детям земли от кого-либо, носящего образ человеческий. Как не похожи они на те признания, что мы слышали от малых и великих представителей человечества! Как поверить этим словам?! Или, – как это открывалось нравственному созерцанию Н.В. Гоголя, – одних спокойных и непоколебимо твердых самосвидетельств Сына Человеческого достаточно, чтобы признать их истиной, а Его Сыном Божиим, равным Отцу? Может быть, – но нам нельзя ограничиться ими уже по одному тому, что мы стали на почву психологического опыта в первой половинке нашего исследования, когда приводили многочисленные свидетельства человека о

противоречиях в его бытии, противоречиях, отравляющих его жизнь и дающих себя знать самыми реальными душевными муками на протяжении всей его истории. Этой почвы необходимо нам держаться и при указании пути к разрешению названных противоречий.

Ведь если самосвидетельства распятого при Понтийском Пилате Назаретского Плотника истинны, если Он действительно силен дать человеку познание истины, свободу от греха и жизнь вечную – так, чтобы человек не видел смерти вовек, то, конечно, должны же быть за 2000 лет существования христианства свидетели исполнившихся обетовании Сына Человеческого.

Как все природное человечество по глубокому и горькому опыту говорило нам о мучительных противоречиях, лежащих в глубине его бытия, так эти свидетели должны по опыту же своей жизни сказать нам, что верен и истинен Обещавший мир и покой приходящим к Нему – труждающимся и обремененным.

Итак, обратимся опять к свидетельству человека о самом себе.

Естественно, свидетелями на этот раз будут только те, кто ходил по стопам Христа и кто, следовательно, мог опытно изведать силу Его. Посмотрим, будет ли, говоря языком Евангелия, оправдана Премудрость (Христос) чадами ее...

Мы будем вызывать свидетелей последовательно, держась хронологического порядка, т.е. начиная с тех, кто впервые, в дали веков, были оглашены Евангельскою проповедью, и кончая свидетелями наших дней. Сойдутся ли раскинутые на 2000 лет свидетельства их с самосвидетельством Иисуса Назарянина? Оправдают ли они сверхчеловеческие притязания Его быть Спасителем рода человеческого.

«Сей есть Сын Божий; се Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира», – свидетельствует Иоанн Креститель.

«Равви! Ты Сын Божий, ты Царь Израилев, – восклицает изумленный и восхищенный Нафанаил. – Израильтянин, в котором нет лукавства».

«Истинно Ты Сын Божий», – исповедуют ученики, склоняясь перед Ним на озере Генисаретском.

«Ты Христос, Сын Бога Живого», – твердо отвечает Ап. Петр на вопрос Иисуса, за кого они, Ученики, почитают Его.

«Господи! К кому нам идти?» – слышим мы от того же Петра. «Ты имеешь глаголы жизни вечной, и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого».

«Так, Господи! Я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир», – робко откликается Марфа на призыв Иисуса к вере.

«Господь мой и Бог мой», – раздаётся радостный крик Фомы.

«Никогда человек не говорил так, как этот человек», – отвечают служители фарисейские на вопрос своих господ, почему они не привели Иисуса.

«Воистину Он был Сын Божий!» – с болью вырывается из груди сотника, стоявшего при кресте «Царя Иудейского».

Не чудесны ли эти свидетельства, так согласно и твердо устанавливающие факт необычайности Существа, носящего образ человека?

Этим людям – в тайниках их души – открывается великая, страшная и радостная истина, что так долго всеми Ожидаемый Посланник неба здесь, с ними, – что это точно Он, Избавитель, имеющий ключи ада и рая, Которому дана всякая власть на небе и на земле.

Да и как не дивиться, как не утраиваться, как не радоваться, как, наконец, не верить Ему, когда на их глазах, по Его благой воле, слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют!

Как свидетелям этих чудес не воскликнуть: Ты сын Божий!

Да, но мы слышим пока только, как Он исцеляет больных, воскрешает мертвых. Сообщает чудотворную силу Своим ученикам, учит тайнам Царствия Божия; слышим и то, как Он отпускает грехи... Но мы мало замечаем перемены во внутреннем состоянии даже самых верных и близких Его последователей, которые по-прежнему продолжают мыслить не о том, что Божие, а о том, что человеческое (Мф.16). Мы не видим и не слышим от них, чтобы разлад их человеческой природы был исцелен; чтобы вечная истина, вечная правда и вечная жизнь стали их внутренним достоянием. Это произойдет только тогда, когда через таинство Креста прославленный Иисус пошлет Духа Своего в сердца верующих во имя его.

И точно – посмотрите, что происходит с учениками Его после Пятидесятницы: как очищается и возвышается разумение их, как от восторга перед внешними знамениями своего Учителя, перед нравственной красотой Его человеческого Образа, и от чрезвычайных внешних откровений Небесной Истины они переходят к глубокому проникновению в тайны новой, благодатной жизни, открывающейся в их собственных сердцах и сердцах единоверных собратий... Их Божественный Учитель уже не внешнее для них Существо. А внутреннее достояние, сокровенная жизнь их души.

Просветленные и очищенные огненным прикосновением Всесвятого и всеосвящающего Духа Истины, они становятся в собственном смысле

живой обителью Вечного Царя, Который, еще имея знак раба, обещал любящим Его прийти с Отцом и обитель у них сотворить. Но вот сами живые свидетели этих чудесных событий, совершающихся не вне человека, а в недрах и тайниках его собственной души.

«Помазание (Духа), которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и не ложно, то чему оно научило вас, в том пребывайте» (1Ин.2:27), – увещевает братьев по вере возлюбленный ученик Христов, констатируя факт непосредственного восприятия Божественной истины через помазание, или излияние Духа, предугадание чего находим еще у ветхозаветного Евангелиста: «И будут все научены Богом», – говорит пророк Исаия в согласии с другим пророком, изрекшим от лица Божия: «И будет в последние дни, излию от Духа Моего на всякую плоть».

Это излияние Духа Святого, Духа Истины, Духа Христова в сердца верующих рождает живое чувство Богосыновства.

«Возлюбленные, – пишет тот же Апостол, – мы теперь дети Божии. Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими».

«Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его (Божие) пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога» (1Ин.3:9).

«Рожденный от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему» (1Ин.5:18).

«Мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; ... всякий, ненавидящий брата... не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» (1Ин.3:14–15).

«Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом... свидетельство сие состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь – в Сыне Его» (1Ин.5:10–11).

«Имеющий Сына [Божия] имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни» (-12).

Как бы подтверждая, продолжая и развивая свидетельства Иоанна, Апостол Павел пишет римлянам, говоря от лица возрожденного верою:

«Закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти» (Рим.8:2).

«Если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности. Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела

Духом Своим, живущим в вас» (Рим.8:10–11).

«Ныне, – читаем в том же послании к римлянам, – когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная. Ибо возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим.6:22–23).

Если таково было внутреннее обновление учеников Апостольских, то в самих Апостолах мы видим уже восполнившееся торжество Христовой силы и жизни.

«Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе», – исповедует вселившуюся в него силу Христову тот же Апостол языков (Фил.4:13).

«Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал.2:20), – исповедует он же чудную истину глубочайшего слияния с его существом Существа Сына Божия – этой вечной жизни, дарованной Отцом Небесным.

Грань между тамошним и здешним, небесным и земным, трансцендентным и феноменальным, вечным и временным – рушилась, противоречия бытия исчезли.

«Для меня жизнь – Христос, – слышим мы от великого Апостола, – а смерть – приобретение».

«Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа?» – торжествующе восклицает он в послании к коринфянам.

Оставим век Апостольский и переступим в примыкающий к нему по времени и отчасти подобный ему по напряженности борьбы век мученичества, когда сила христовой веры сказывалась в сверхъестественном, нередко восторженном терпении жертв и в чудесных знамениях небесной помощи, сопровождавших их мученические подвиги. Наш взор невольно приковывается к величавому образу антиохийского епископа Игнатия Богоносца. Приговоренный в 107 году императором Траяном к смертной казни, великий преемник Апостолов воскликнул, услышав смертный приговор: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты удостоил меня засвидетельствовать совершенную любовь к Тебе и благоизволил связать меня железными узами. Подобно как Апостола Твоего Павла». Его отправляют в Рим на съедение зверям. Опасаясь, чтобы римские христиане вместе с другими не возымели малодушного намерения отклонить казнь его, еп. Игнатий с необычайной силой и трогательностью увещевает их не препятствовать ему соединиться теснейшим союзом с Христом через мученический подвиг. «Не делайте для меня ничего более, как чтобы я был заклан Богу теперь, когда жертвенник уже готов, – и тогда составьте любовью хор, и воспойте хвалебную песнь Отцу во Христе Иисусе, что Бог удостоил епископа Сирии призвать с востока на запад. Прекрасно мне

закатиться от мира к Богу, чтобы в Нем мне воссиять...» «Умоляю вас, – продолжает священномученик, – не оказывайте мне неблагоприятной любви. Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пшеница Божия; пусть измелют меня зубы зверей, чтобы я сделался чистым хлебом Христовым... Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всею землею. Его ищу, за нас умершего, Его желаю, за нас воскресшего... Хочу быть Божиим: не отдавайте меня миру. Пустите меня к чистому свету: явившись туда, буду человеком Божиим. Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего. Кто сам имеет Его в себе, тот пусть поймет, чего желаю... Моя любовь распялась, и нет во мне огня, любящего вещество, но вода живая (т.е. Дух Святой, возбуждающий и укрепляющий к мученической смерти. См. Ин.4:10; 7:38), говорящая во мне, взывает мне изнутри; «иди к Отцу». Нет для меня сладости в пище тленной, ни в удовольствиях этой жизни. Хлеба Божия желаю, хлеба небесного, хлеба жизни, который есть плоть Иисуса Христа, Сына Божия... И пития Божия желаю, – крови Его, которая есть любовь нетленная и жизнь вечная».

Вот какой верой, обличающей невидимое, какой надеждой, предвкушающей грядущую славу воскресения, каким жаром небесной, смерть побеждающей любви, какой жаждой «разрешиться и быть со Христом» преисполнено отрешившееся от мира сердце богоносного мужа Апостольского!

Из залитых христианской кровью веков мученичества перенесемся в сменившие их сравнительно спокойные века подвижничества, когда не за исповедание Христа умирали под мечом гонителей, а за «исполнение заповедей» проливали кровь в борьбе с «духами злобы поднебесной», когда не форумы и темницы были свидетелями великих скорбей и вместе великой славы мучеников Христовых, а пустыни Востока, стянувшие в свое безмолвие сонмы подвижников и утучненные потом трудов их, процвели «яко крины сельные» и, исполнившись благоухания Христова, облагоухали собою весь мир, когда воистину небо приникло к земле и ангелы Божии не только сходили на землю, но, можно сказать, водворялись на ней как постоянные обитатели, сожительствова с «небесными человеками» пустынь. Вызовем свидетелей из глубины этих пустынь и послушаем, что скажут они нам о своей внутренней жизни, о тайнах Царствия Божия, в их душах открывающихся.

«Дух Утешитель, приемлемый в крещении, дает нам, – свидетельствует, по собственному изобильнейшему духовному опыту, знаменитый основатель пустынно-жительствовавшего подвижничества,

славный поборник Православия против арианства, Антоний Великий (живший с половины III до половины IV века), – дает нам силу действовать свято, чтобы опять возвести нас в первое славное состояние и сделать достойными получить вечнопробывающее наследие. Ведайте, что, которые во Христа крестятся, во Христа облакаются (Гал.3:27–28), получая благодать Св. Духа... И Св. Дух, в то же время, как становится для них залогом наследия вечного царства небесного, научает их тому, как должно поклоняться Отцу в духе и истине» (Ин.4:23). «Я молился о вас, – обнадеживает и наставляет своих возлюбленных чад духовных великий учитель, – да сподобитесь и вы получить Того великого огненного Духа, Которого получил я... Он, когда принят будет, откроет вам высшие тайны, отгонит от вас страх людей и зверей, – и будет у вас небесная радость день и ночь; и будете в этом теле, как те, кои уже находятся в царствии (небесном)». (Добротолубие, изд. 4-ое, т.1, стр.34–35).

Вот перед нами достойный ученик Великого Антония, один из знаменитейших преподобных мужей IV века, Макарий Египетский, оставивший нам в наследство превосходное изображение внутренней истории души, путем веры выходящей из состояния рабства греху в свободу славы детей Божиих. Святой подвижник, опытно прошедший этот путь до конца, так изображает нравственное состояние души, приавшей свободу Христову:

«Когда душа взойдет к совершенству Духа, совершенно очистившись от всех страстей, и в неизреченном общении, пришедши в единение и срастворение с Духом Утешителем и срастворяемая Духом, сама сподобится стать духом, – тогда делается она вся светом, вся оком, вся радостью, вся упокоением, вся ликованием, вся любовью, вся милосердием, вся благостью и добротою» (Доброт.1,260).

В другом месте преп. Макарий говорит об усыновлении Богу и восприятии здесь, на земле, залога вечной жизни:

«Помазуемые елеем небесного насаждения, древа жизни – Иисуса Христа, бывають удостоены войти в меру совершенства, т.е. царствия и усыновления, так как, находясь еще в этом мире, они уже сотаинники небесного Царя, имеют дерзновение пред Вседержителем, входят в чертог Его, где Ангелы и духи Святых. Ибо, и не получив еще совершенного наследия, уготованного им в оном веке, – тем залогом, какой прияли ныне, обезопасили себя, как уже венчаные и царствующие, и, при обилии и дерзновении Духа, не находят они для себя удивительным, что будут царствовать со Христом. Почему же? Потому что, будучи еще во плоти, имели уже в себе оное ощущение сладости и оное действие силы» (Там

же,273).

Нетрудно видеть, что это с натуры снятое изображение внутренней жизни души, озаренной через веру благодатным светом Христовым, представляет ту же картину таинственного, но реальнейшего обновления души и действительного, осязаемого проникновения ее в мир потусторонний, которую мы созерцали в писаниях Апостольских. Преп. Макарий спустя три века является свидетелем тех же чудных тайн претворения «ветхого человека» в «новую тварь», о котором вдохновенно возвещали миру первые строители этих тайн: Сын громов и Апостол языков.

«Бесстрастие, – слышим мы в VI веке от славного писателя «Лествицы», преп. Иоанна, достигшего горних высот духовной жизни во Христе, – бесстрастие есть сердечное небо ума, которое все коварства бесов считает за детские игрушки... Оно есть воскресение души прежде воскресения тела... Истинно бесстрастным называется и есть тот, кто тело свое соделал нетленным, ум возвысил превыше всякой твари, все же чувства покорил уму, а душу свою представил лицу Господню...» И «сие совершенное совершенных несовершенное совершенство (по слову вкусившего оно) так освящает ум и исхищает его от вещественного, что часто от жизни в теле восхищением на небо возносит к видению...» «Кто сподобился быть в сем устроении, тот еще во плоти имеет живущего в себе Самого Бога, Который руководит его во всех словах, делах и помышлениях. Посему таковой через внутреннее просвещение познает волю Господню, как бы слыша некоторый глас. И, будучи выше всякого человеческого учения, говорит: когда прииду и явлюся лицу Божию?» (Пс.41:3). «Но что много говорить?» – вопрошает Преподобный. «Бесстрастный не к тому живет себе, но живет в нем Христос» (Гал.2:20), – заключает он словами великого Апостола («Лествица», сл.29-е).

С какой ясностью и непоколебимостью засвидетельствованы здесь, в этих немногих, но могучих словах: полная победа над грехом и, что поэтому естественно, победа над «миродержателями тьмы века сего», преображение плоти, – реальное, а не мысленное только возвышение ума над тварным бытием, непосредственное, глубочайшее соединение и взаимопроникновение с Господином жизни, внутренне просвещающим и научающим предавшуюся Ему душу, и, наконец, жажда «разрешиться и быть со Христом», уже теперь творящим Свою обитель в этой душе!

«Бог на то создал нас, чтобы мы соделывались общниками Божеского естества (2Пет.1:4) и участниками Его присносущности, и подобными Ему являлись (1Ин.3:2) по благодатному обожению, ради коего все сущее

устроено и пребывает, и не сущее еще приводится в бытие и порождается» (Умозр. и деят. гл.; пп.99), – так определяет цель человеческой жизни великий христианский мудрец половины VII века преп. Максим Исповедник.

На чем же покоится надежда на достижение этой цели?

«Твердое и верное основание надежды на обожение для естества человеческого есть вочеловечение Бога, в такой мере делающее человека богом, в какой Сам Бог соделался человеком. Ибо явно, что Соделавшийся без греха человеком может обожить и естество без преложения его в Божество, в такой мере возвысив его до Себя, в какой Сам смирил Себя человека ради (пп.113).

А вот путь к этой блаженной цели, начертываемый богомудрым отцом:

«Надлежит, – говорит он, – разумом вместо неведения к Богу возноситься через познание Его взысканием, вожделением, очистив его от страсти самолюбия, только к Богу устремляться всем желанием; энергией, отрешив ее от ненависти, усиливаясь улучшить единого Бога и создать в себе Божественную и блаженную любовь, с Богом соединяющую и Богом являющую Боголюбца, – любовь, которая – из них (т.е. из Боговедения и Богожелания) и ради которой – они» (пп.93).

Любовь – «вот дверь, коею входящий вступает во Святая Святых и сподобляется быть достойным зрителем неприступной красоты Святой и царственной Троицы» (пп.97).

Знакомый с христообразной жизнью святого Исповедника и непобедимого борца за Православие против монофелитства, а также с воистину боговдохновенными и полными неотразимой силы писаниями его, не усомнится в том, что сказанное им о тайне обожения и пути к нему – не результат философского умозрения, а живой плод благодатного опытного Богопознания.

Ступим еще немного вперед. Из Сирийской пустыни конца VII и начала VIII века раздается голос великого подвижника, глубочайшего философа и удивительно тонкого психолога. Прислушаемся внимательно к его откликам на наши вопросы о грехе и правде, жизни и смерти, истине и бессмертии.

Этот новый свидетель – преп. Исаак Сирийский – так характеризует три последовательные ступени, которые проходит человек во внутреннем своем отношении к указанным вопросам.

«Человек, пока в нерадении (т.е. не идет путем живой веры и не стремится к Богу Живому), боится часа смертного; а когда приблизится к

Богу, боится сретения суда; когда же всецело подвинется вперед (т.е. войдет в область чистой любви к Богу), тогда любовью поглощается тот и другой страх».

«Почему же это?» – спрашивает преп. Исаак и отвечает: «Потому что, когда остается кто в ведении и житии телесном (т.е. мудрствует и живет по плоти), ужасается он смерти (разрушающей телесное); когда же бывает в ведении душевном и в житии добром, ум его всякий час бывает занят памятованием будущего суда...

Но, когда достигнет одного ведения истины, вследствие движения в нем уразумения тайн Божиих и вследствие утверждения надежды будущего, тогда любовью поглощается и оный телесный человек, подобно животному боящийся заклания, и человек разумный, боящийся суда Божия; соделавшийся же сыном (Богу) украшается любовью, а не устрашающим вразумляется жезлом».

«Кто достиг любви Божией, тот не желает уже снова пребывать здесь; потому что любовь сия уничтожает страх», – утверждает как факт внутреннего опыта Исаак Сирийский, в полном согласии с Иоанном Богословом, свидетельствующим, что «совершенная любовь изгоняет страх» (1Ин.4:18) и Ап. Павлом, сознающим, что для него «смерть – приобретение».

Любовь эта, сладостнее жизни и торжествующая над смертью, рождается, по словам св. Исаака, от истинного познания Бога, а истинное познание есть «ощущение бессмертной жизни, которая сама есть ощущение Бога».

«Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной!» – молится преп. Исаак, показывая этой молитвой, что жизнь вечная доступна человеку и на этой грешной земле (юдоли скорби и печали), что она не только предмет чаяния в будущем, но и ощущения в настоящем, что она не мыслится только, но и вкушается духовно.

Говоря в другом месте о сладости и многоплодности ночного молитвенного бдения, во время которого ревностные подвижники совлекаются ветхого человека и удостаиваются обновления ума, Сирийский философ свидетельствует, что «в эти часы душа ощущает оную бессмертную жизнь, и ощущением ее совлекается одеяния тьмы, и приемлет в себя Духа Святаго» (сл.42).

Эта мысль о нравственной победе над тяжестью греховного бытия и опытным опознании, приобщении святой Вечности проходит красной нитью по всем писаниям святого отшельника. В слове 83-м мы читаем у него:

«Кто обрел любовь (Божию), тот каждый день и час вкушает Христа, и делается от этого бессмертным, как сказано: кто съест от хлеба сего, егоже Аз дам ему, смерти не узрит во веки (Ин.6:51,58). Блажен, кто вкушает от хлеба любви, который есть Иисус... Он в этом еще мире, в ощущаемом здесь, обоняет оный воздух воскресения».

На смену свидетелю VIII века выступает свидетель века XI.

Посмотрим, так же ли в XI веке Вечное сказывается во временном, давая ощутить себя душе, предавшейся Иисусу – Сыну Божию? Так же ли тайны неба открываются в жителе земли и возводят его в рай сладости, давая вкушать здесь, на земле, сокровенную духовную манну?

«Кто как должно верует во Христа, тот имеет жизнь вечную в себе, которая есть благодать Господа нашего Иисуса Христа. Кто же верует во Христа, а жизни вечной в себе не имеет, того тщетна и бесполезна вера», – слышим мы от преп. Симеона Нового Богослова.

«Таков закон новой жизни о Христе Иисусе, – говорит св. Симеон, – что Христос Господь благодатию Св. Духа приходит к нам и воскрешает умерщвленные (грехом) души наши, и дает им жизнь, и дарует очи видеть Его Самого – бессмертного и нетленного – живущим в нас».

«Постараемся же, – увещевает святой подвижник, – сохранить Божественные заповеди и очистить сердца свои слезами и покаянием, да узрим Самого Христа, этот Божественный свет, и да стяжем Его еще здесь, в настоящей жизни, в Обитателя в нас, да животворит Он души наши благодатью Всесвятого Духа и да питает их сладостью чаемых благ царствия Своего».

Минуем три века – и обратим наш взор и слух к изобиловавшему благодатными дарованиями архиепископу Солунскому, св. Григорию Паламе (прославившемуся как своей подвижнической жизнью, так и упорной и успешной борьбой против гносеологической ереси облатинившегося монаха Варлаама, который производил своим лжеучением большое смущение в Византии XIV века). Вот что возвещает нам сей богоносный муж, осиянный светом Христовым:

«Когда единичный ум бывает тройственным, пребывая единичным, тогда он соединяется с Богоначальной Тройческою Единицею, затворяет всякий вход прелести, погрешению и заблуждению, и становится выше плоти, мира и миродержателя. Избегши таким образом сетей их, всецело пребывает он в себе и в Боге, вкушая источающееся изнутри духовное радование... Когда кто пребудет в сей собранности ума и в таком простертии к Богу, тогда, сильным самопринуждением утесняя быстротечность своих мыслей, мысленно приближается он к Богу,

встречает неизреченное, вкушает будущего века и духовным чувством познает, сколь благ Господь» (Доброт., изд. 2-е, т.5, стр.300–301).

Здесь тот же победный глас воина Христова, торжествующего над расстройством человеческой природы и силою благодати преодолевающего ее греховную немощь; здесь то же исцеление природных недугов и спасение от многообразных сетей вражиих через живое и животворящее сочетание человека с Богом; отсюда радость духовная, отсюда вкушение благ оною, непреходящего века, отсюда славословие Подателю сих неизреченных благ...

Из далекой Византии XIV века, от стойкого и проницательного борца за правду духовного, благодатного, спасительного Богопознания, завещанного Церковью и в Церкви хранимого (в противоположность схоластически-рассудочному и натуралистически-мистическому пути латинского раскола), продвинемся по тому же православному руслу, пролагаемому Духом Святым, в родную нам «Святую Русь» конца XVIII века – и вызовем последнего свидетеля, несущего в себе и с собою разительное свидетельство силы Иисус-Христовой и достойнейшее оправдание Премудрости Христа (Мф.11:19; Лк.8:35). Да утвердится же еще раз авторитетным свидетельством «богоносного отца нашего Серафима Саровского и всея России чудотворца» та непреложная истина, что «победа, побеждающая мир» многообразных противоречий, проницающих естество человека, есть вера Христова, содержащая и из века в век переносимая Единою, Святою, Соборною и Апостольскою Церковью.

Многое в жизни и словах преп. Серафима свидетельствует об этой истине, но мы воспользуемся одним свидетельством, которое находим в знаменательнейшей беседе великого угодника Божия с его другом духовным Н.А. Мотовиловым. Беседа эта – целое событие, огромное по своему религиозному смыслу. Простота и вместе мудрость слов чередуются в ней с «явлениями Духа и силы». Очень рекомендуя каждому прочесть эту беседу целиком, мы по необходимости ограничиваемся здесь лишь немногими местами ее.

«Истинная цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божиего», – разъясняет недоумения своего собеседника преп. Серафим. «Пусть же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божиего... Дух Святой вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Троического Единства даруется нам лишь через всемерное с нашей

стороны стяжание Духа Святого, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божию Всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божию: «вселюся в них и похожду, и буду им в Бога, и тии будут Мне людие». «Это и есть тот елей в светильниках мудрых дев, – истолковывает притчу о десяти девах великий старец, – который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Жениха, пришедшего в полнощи, и войти с Ним в чертог радости». По слову святого отца, этот елей и есть «получаемая внутрь естества нашего благодать Всесвятого Духа Божия, претворяющая это естество от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет...»

За этими словесными разъяснениями цели и сущности христианской жизни и раскрытием победных и спасительных действий благодати Св. Духа (разъяснения эти мы приводим в очень кратком извлечении) великий таинник Христов и сотаинник своего благочестивого друга-мирянина силою молитвы поставляет себя и своего собеседника под изумительное действие Св. Духа, молниеносно раскрывающего в них царствие Божие и водворяющего их в этом царстве. Сам святой старец озаряется таким светом, что духовный друг его приходит в «благоговейный ужас».

«Представьте себе, – повествует он об этом чудесном событии, – в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко на несколько сажень кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца».

Просветление, мир Божий, сладость, радование, теплота, благоухание так изобильно излились свыше на старца и ученика его, что описание этого явного и вседейственного почитания Святого Духа на избранных чадах Божиих приводит и в трепет, и в изумление благоговейного читателя, который воистину зрит здесь царствие Божие, пришедшее почти в той же силе, в какой зрели его пришедшим на Фаворе ученики Христовы и как просто принимает и разъясняет своему другу это явление «милости Божией» преп. Серафим! «Так ведь и должно быть на самом деле, – говорит старец, указав в объяснение объявленной им благодатной теплоты на то, как «теплотою Духа Святого согреваемые пустыnnики не боялись зимнего мороза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную

одежду, от Св. Духа истканную», – так и должно быть, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутри вас есть». Под царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго». «Вот это царствие Божие теперь внутри нас и находится, – поучает своего блаженного друга богоносец, – а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многообразным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напоая сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое Апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питье, но правда и мир и радость о Духе Святе. Вера наша состоит «не в препретельных земные мудрости словесех, но в явлении Духа и силы». «В этом-то состоянии мы с вами и находимся», – повторяет старец. «Про это состояние именно и сказал Господь: «суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят царствие Божие, пришедшее в силе».

Дух захватывает, когда, внимая сердцем таинственной беседе великого раба Божия, мысленно представляешь эту чудную и чудесную картину сошествия Св. Духа на «убогого» Серафима и воистину преблаженного друга его – на тихой снежной поляне уединенного Сарова. Как просто и вместе – как необычайно; как естественно и вместе – как чудесно! Рушится грань не только между мыслимым и являемым, но и между духом и плотью, ибо последняя, озаряемая и пронизываемая Духом Божиим, как бы возводится в первоначальную светлость и красоту, в достойное жилище осияваемых благодатью душ.

Мы окончили вызов и опрос свидетелей, хотя число таковых можно было бы увеличить до неопределенной степени. Полагаем, что и выслушанных достаточно для намеченной нами цели. Вдумаемся же в их свидетельства!

Не правда ли, какое поразительное сходство сказывается в столь таинственных и в то же время столь действительных душевных переживаниях людей на протяжении почти двух тысячелетий?! Иоанн, Павел, Игнатий, Антоний, Макарий, Иоанн, Максим, Исаак, Симеон, Григорий, Серафим, – Апостолы, мученики, пустынножители, епископы, священноиноки, – иудеи и греки, сирийцы и славяне, – и многие другие, опрошенные нами, но не вызванные свидетели – все они, претворенные благодатью Христовою в недрах Церкви, повествуют об одних и тех же тайнах царствия Божия, раскрывающихся в глубине сердца человеческого и разрешающих без остатка те природные противоречия, которые тяжелым гнетом лежали на человеке до пришествия Иисуса Христа и лежат, как мы

видели, и теперь на тех, кто не покоряются Сыну Божию верою в Него.

И разве возможно было бы это дивное, в веках идущее и из века в век переходящее единство в такой сокровенной, подвижной и иррациональной области, как душа человеческая в ее отношениях к Вечности, если бы у всех этих служителей Истины не было Единой объективной Опоры в мире самой Вечности? Возможно ли было бы такое единство стиля, при сохранении индивидуальных черт, в духовных храмах людских сердец, если бы не было Единого Основания, их определяющего, и Единого Архитектора, их возводящего?

Это не лже-мистическое «подражание Христу», Который остается внешним для подражателя, бессильно тянущегося к предмету подражания, хотя бы разгоряченное воображение живописало перед ним с мельчайшими подробностями и с яркостью и силою действительности картину духовного неба с его обителями и обитателями, и хотя бы «кровавой» экстаз отпечатлевал на его теле все язвы Господа Христа.

Это и не «многообразие религиозного опыта», где дается безграничный простор ничем не сдерживаемому, ничем не определяемому и ничем не направляемому субъективизму, где утрачен или отвергнут Образ истины, и где поэтому «всякий молодец на свой образец», где все смешано и ничто не разделено, где «истина вещей» не отличена от «прелести» призраков.

И тут и там неясное Божественное окутывается сумраком «стихий падшего мира», или подавляется полным мраком «миродержателей тьмы века сего, духов злобы поднебесных».

Нет, здесь, у истинных чад Премудрости, вседушно держащихся за «столп и утверждение Истины», – внутреннее, существенное соединение со Христом в Боге благодатью Святаго Духа, «богами являющее боголюбцев»; здесь не просто «многообразие», а многообразие в единстве, обретаемое в Православной Церкви – и в ней одной, хранящей и сообщающей своим чадам живое предание Единого Духа, излучающегося в различных плодах и дарах духовных.

Не мечтательно и не воображаемо становились великие православные боголюбцы «причастниками Божеского естества»: живое, действительное разрешение природных человеческих антиномий в благодатном богочеловеческом синтезе являлось непреложным свидетельством их подлинного обожения. Эти души, воспитывавшиеся во вселенском училище Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, питавшиеся «сокровенной манной» в ее таинственных недрах и пившие «воду живую» из ее живоносного источника, воистину «Духом Святым живились,

чистотою возвышались – и светлелись Тройческим единством священнотайне».

Содержание

Психологическая сила Православия Противоречия в природе человека и их разрешение в Вере Христовой мученик Михаил Новоселов	1
Предисловие	2
Часть I. Противоречия в природе человека по свидетельству древнего и нового мира	4
Часть II. Разрешение противоречий в Христианстве	17